

А. В. Ганин

«ЗНАЮ, ЧТО СЛЕЗЫ МЕШАЮТ ВАМ
ЧИТАТЬ МОИ СТРОКИ...»
ЛАГЕРНАЯ СУДЬБА КОМКОРА
С. А. ПУГАЧЕВА В ПИСЬМАХ ЕГО
ТОВАРИЩА

Учитель истории, герой Вячеслава Тихонова в фильме «Доживем до понедельника», говорил, что нередко от человека не остается ничего, кроме тире между двух цифр. Трагическая история советского периода, когда миллионы людей оказались безвинными жертвами машины государственного террора, в полной мере подтвердила справедливость этих слов.

Сегодня ввиду закрытости архивов спецслужб все еще нет возможности полноценно изучать «большой террор». Перед исследователями стоит задача накопления фактического материала по этой теме. Тем не менее значительные комплексы документов уже стали доступны, в особенности в открывшихся архивах бывших советских спецслужб на Украине и в Прибалтике. Вводятся в научный оборот и материалы семейных архивов потомков репрессированных.

Разумеется, «большой террор» — это не только сотни тысяч расстрелянных, но и сотни тысяч узников ГУЛАГа. Тех, у кого государство отняло если не саму жизнь, то многие ее годы. Среди жертв репрессий немало представителей интеллектуальной элиты. Некоторые из них, как А. В. Петров, документы которого предлагаются вниманию читателей, сумели оставить ценные свидетельства о своем лагерном существовании.

Публикуемые документы касаются судеб двух заключенных, ставших товарищами в неволе, — Семена Андреевича Пугачева (13.02.1889–23.03.1943) и Александра Васильевича Петрова. Спустя много лет после лагерных событий, в 1963 г., А. В. Петров написал несколько писем вдове Пугачева Ларисе Дмитриевне. В этих письмах он подробно осветил историю своего знакомства с Пугачевым, обстоятельства их лагерной жизни и смерти Пугачева. Письма сохранились у потомков Пугачева в Твери. Эти документы представляют интерес как источник по истории «большого террора» и новое свидетельство о последних годах жизни видного советского военачальника С. А. Пугачева.

Жизнь и деятельность С. А. Пугачева нельзя назвать неизвестной¹, хотя полноценная его биография до сих пор не написана. Предлагаемая вниманию читателей документальная публикация представляет собой как попытку анализа репрессивной политики и практики 1930-х — начала 1940-х гг. на примере дел одного из репрессированных, так и материал для будущей биографии военачальника.

С. А. Пугачев родился в Рязани, происходил из дворян, был высокообразованным офицером Русской императорской армии, выпускником Императорской Николаевской военной академии. Участвовал в Первой мировой войне, отличился на фронте, награжден несколькими боевыми орденами. В годы войны Пугачев был отравлен удушливыми газами, но продолжил службу. По революционной стезе он пошел уже в 1917 г., став членом псковского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Как он сам впоследствии отмечал, «сначала интуитивно, а затем совершенно сознательно» стал на сторону Октябрьской революции². В первой половине 1918 г. работал помощником кассира Сызрано-Вяземской железной дороги³. Затем добровольно пошел служить

¹ Подробнее см.: *Ладухин В.* Верный сын Родины // Военно-исторический журнал. 1964. № 2. С. 74–79; *Пугачев А. С.* «Мы все чувствовали в Вас не только умелого начальника, но и опытного учителя...» // Военно-исторический журнал. 2004. № 11. С. 68–70; *Пугачева А. Д.* Семен Андреевич Пугачев — военачальник и человек // Военно-исторический архив. 2007. № 11 (95). С. 95–118; Семен Андреевич Пугачев (автобиография) // Военно-исторический журнал. 1989. № 4. С. 62; *Черушев Н. С.* Из эпохи Сталина: Четыре тайны тридцатых годов. М., 2016. С. 292–344.

² *Черушев Н. С.* Из эпохи Сталина. С. 333.

³ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1559. Л. 411.

в Красную армию, где приобрел доверие руководства и достиг высших постов. Занимал должности начальника штаба Кавказского фронта, Отдельной Кавказской армии и командующего Туркестанским фронтом, разрабатывал операции по разгрому колчаковцев на Северном и Среднем Урале, деникинцев на Северном Кавказе, участвовал в советизации Закавказья и ликвидации басмачества. Награжден орденом Красного Знамени и рядом других наград. В 1925–1927 гг. был заместителем начальника Штаба РККА при С. С. Каменеве, фактически руководил работой «мозга» Красной армии.

Знакомство Пугачева с местами лишения свободы началось в 1931 г. 28 февраля он был арестован по делу Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна», в рамках которого производились массовые аресты бывших офицеров.

Еще в декабре 1930 г. признательные показания на Пугачева дал бывший начальник военных сообщений Украинского военного округа В. В. Сергеев (капитан старой армии). Позднее подобные показания на него же дали начальник 1-го (оперативного) отдела штаба Украинского военного округа С. С. Ивановский (бывший штабс-капитан) и помощник Пугачева по должности начальника штаба округа С. Г. Сакварелидзе-Бежанов (бывший подполковник). Последний свидетельствовал, что якобы еще в 1927 г. был включен в контрреволюционную организацию Пугачевым — одним из ее руководителей⁴. Следователи посредством показаний Ивановского и Сакварелидзе-Бежанова собирали компрометирующие данные на целый ряд руководящих работников РККА, не исключая и начальника Штаба РККА, будущего Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова, также названного в числе руководителей организации⁵.

Пугачев попытался передать на волю записку супруге с просьбой обратиться за заступничеством к члену Политбюро ЦК ВКП (б) Г. К. Орджоникидзе⁶, который знал Пугачева еще по со-

⁴ Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України» // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 2 (19). С. 90–91.

⁵ Там же. С. 67–68, 97–99.

⁶ Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. М., 2000. С. 211.

вместной работе в Закавказье в начале 1920-х гг. и поддерживал с ним дружеские отношения. Однако записка до адресата не дошла и оказалась в следственном деле.

11 и 12 марта 1931 г. сам С. А. Пугачев дал признательные показания, в которых оговорил себя как участника контрреволюционной организации и сообщил о своем раскаянии⁷. Однако тогда на самом высоком уровне произошло неизвестное пока событие, изменившее судьбу арестованного.

13 марта на очной ставке с С. Г. Сакварелидзе-Бежановым в присутствии членов Политбюро ЦК ВКП (б) И. В. Сталина, В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова и Г. К. Орджоникидзе арестованному Пугачеву и остававшемуся на свободе Шапошникову в отличие от прочих фигурантов дела было позволено изобличить Сакварелидзе-Бежанова в клевете и доказать собственную невиновность⁸. К сожалению, в деле Пугачева протокол очной ставки отсутствует. В тот же день уполномоченный 4-го отдела Особого отдела ОГПУ СССР А. М. Перлин «нашел, что обвинение его (Пугачева. — А. Г.) в указанных преступлениях проведенным следствием не доказано»⁹, после чего арестованного освободили.

Пока нет достаточных документальных данных, чтобы судить о подоплеке этой нетривиальной в практике органов госбезопасности того времени акции. Тем не менее можно сделать вывод, что с ее помощью достигалось несколько целей. Прежде всего, при деятельном участии первых лиц партии создавалась видимость законности и объективности следствия. Кроме того, из-под удара выводились два видных военных работника, в которых, видимо, еще нуждались.

О том, что очная ставка являлась спектаклем, свидетельствует получение следователями чуть менее чем через месяц после нее, 6 апреля того же года, «дополнительных показаний» Сакварелидзе-Бежанова на все тех же Пугачева и Шапошникова с подробным изложением всех их «прегрешений». В этом объемном документе среди прочего есть и такая фраза Сакварелидзе-Бежанова:

⁷ Ведомственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 77 (99). Л. 22–23, 35–47.

⁸ Реабилитация: как это было. Февраль 1956 — начало 80-х годов. М., 2003. С. 732.

⁹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67 093-ФП. Т. 77 (99). Л. 97.

«Я спросил у Шапошникова, не слышал ли он чего-либо обо мне у Пугачева, как об участнике к[онтр] р[еволюционной] организации, Шапошников ответил, что ему это известно и что, вероятно, я знаю через Пугачева и о его участии в организации»¹⁰. В реальность подобного разговора трудно поверить. Аналогичные новые показания на Пугачева и Шапошникова дал и Ивановский¹¹.

Новые показания были призваны дезавуировать результаты очной ставки. При необходимости Пугачев и Шапошников в любой момент могли быть арестованы по прежним обвинениям, на обоих можно было оказывать давление. Ивановского и Сакварелидзе-Бежанова, выполнивших все, что от них требовалось следствию, расстреляли в ночь на 1 июня 1931 г. По логике органов госбезопасности того времени, признательные показания приговоренных к расстрелу и расстрелянных фактически становились неопровержимыми. При этом вновь арестовывать Пугачева и подвергать аресту Шапошникова в ОГПУ не торопились.

После освобождения Пугачев некоторое время состоял начальником штаба Среднеазиатского военного округа, а в августе 1932 г. занял пост начальника созданной на основании приказа РВС СССР № 055 от 9 июня 1932 г. Военно-транспортной академии РККА (с 28 мая 1933 г. — имени Л. М. Кагановича) в Ленинграде. На этом посту Пугачев пробыл до своего увольнения из армии перед вторым арестом. В апреле 1934 г. по рекомендациям Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кирова без прохождения кандидатского стажа Пугачева приняли в ряды ВКП (б)¹², а в 1935 г. он получил воинское звание комкора. Однако демонстративная лояльность не помогла уклониться от маховика репрессий.

Признательные показания расстрелянных по делу «Весна» в отношении Пугачева легли в основу обвинений при втором его аресте. Характерно, что в обвинительном заключении, составленном в апреле 1939 г., особо отмечалось, что Пугачев «на очной ставке с одним из участников организации в присутствии руководителей партии и правительства, сделав провокационный выпад по отношению к следствию, умышленно скрыл свою контррево-

¹⁰ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67 093-ФП. Т. 39. Л. 145.

¹¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67 093-ФП. Т. 25. Л. 126, 132.

¹² Пугачев А. С. «Мы все чувствовали в Вас не только умелого начальника, но и опытного учителя...». С. 70.

люционную деятельность и от своих ранее данных показаний отказался»¹³.

По версии следствия, в конце 1932 г. Пугачев установил связь с активным участником антисоветского заговора начальником военных сообщений РККА Э. Ф. Аппогой, от которого получил задание проводить вредительскую работу в Военно-транспортной академии РККА.

В действительности эта академия как раз создавалась усилиями Пугачева. Он принадлежал к той плеяде людей, которые целиком посвящали себя работе, в быту был очень скромным человеком. По воспоминаниям вдовы комкора, вопросы личного обустройства (например, в связи с переездом академии из Москвы в Ленинград) стояли для него на последнем месте, во всяком случае, после решения жилищных вопросов сотрудников, а сам режим работы не имел никаких временных ограничений¹⁴. Несмотря на сложные отношения с комиссаром академии, Пугачев боролся за высокое качество преподавания, не боялся защищать профессиональные кадры педагогов (в том числе из «бывших»), для чего в июле 1935 г. обращался к заместителю Народного комиссара обороны СССР, начальнику Политуправления РККА Я. Б. Гамарнику.

Тем не менее обвинения в сознательном саботаже и вредительстве, в том, что Пугачев якобы умышленно сокращал прием в академию, из-за чего недодавал Красной армии кадры военных инженеров, запутывал учебные планы, дезорганизовывал учебный процесс и научно-исследовательскую работу, давал слабую подготовку выпускникам академии, а также завербовал в подпольную антисоветскую организацию двух начальников кафедр — В. С. Лазаревича и П. И. Козловского.

Разумеется, все это было полным вымыслом, а обучение в академии находилось на должном уровне. Это подтверждается целым рядом конкретных достижений выпускников (постройка саратовского моста, строительство подмосковных шоссе, автомагистрали Москва — Минск, изыскания по трассе Смоленск — Великие Луки, изыскания на Дальнем Востоке в условиях тайги и т. д.).

В 1937 г. Пугачева исключили из партии, в апреле 1938 г. восстановили, в сентябре 1938 г. уволили из армии, а арестовали

¹³ Черушев Н. С. Из эпохи Сталина. С. 300–301.

¹⁴ Пугачева Л. Д. Семен Андреевич Пугачев — военачальник и человек. С. 102.

как участника «антисоветского военного заговора» и «вредителя» 10 октября 1938 г. Сравнительно поздний для высокопоставленного военного арест на несколько лет продлил ему жизнь, поскольку в те дни уже начиналось свертывание «большого террора»¹⁵ (так называемые массовые операции были прекращены в середине ноября 1938 г.). Когда Пугачева «забирали», он успел на лестнице сказать супруге: «Верь, Ларика, я ничего нечестного, постыдного против Родины и партии не совершил...»¹⁶

Всего в результате политических репрессий в Ленинградском военном округе в 1937–1938 гг. были уволены не менее 3627 представителей командно-начальствующего состава, не менее 1188 человек арестованы, не менее 711 затем расстреляны, 38 умерли в местах лишения свободы, один покончил с собой¹⁷. Непосредственно в Военно-транспортной академии им. Л. М. Кагановича были арестованы более 20 человек.

Около года Пугачев провел в ленинградской тюрьме УГБ НКВД № 1, затем был переведен в Москву, содержался в Бутырской тюрьме. Допрашивали Пугачева многократно (к 25 января 1939 г. — не менее 15 раз¹⁸). Следователем С. А. Черником и другими практиковались побои (удары кулаком в живот) и психическое воздействие (угрозы ареста семьи, побоев, расстрела, ночные и конвейерные допросы, сообщение о том, что в отношении Пугачева получено 18 признательных показаний). В результате незаконных методов ведения следствия уже 16–17 октября 1938 г. Пугачев, чтобы сохранить жизнь и в дальнейшем доказать свою невиновность, под диктовку следователей дал признательные показания¹⁹. Во время одного из допросов 28 января 1938 г. Черник (1902 года рождения), по словам Пугачева, «разразился бешеным потоком площадной ругани, высказал пожелание, чтобы все мое поколение поскорее переделало, так как ему надоело возиться с нами»²⁰.

¹⁵ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009. С. 323–324.

¹⁶ Пугачева Л. Д. Семен Андреевич Пугачев — военачальник и человек. С. 117.

¹⁷ Григорян А. М., Мильбах В. С., Чернавский А. Н. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938. Ленинградский военный округ. СПб., 2013. С. 160.

¹⁸ Черушев Н. С. Из эпохи Сталина. С. 296.

¹⁹ Там же. С. 316–318.

²⁰ Там же. С. 320.

В ходе следствия Пугачев неоднократно отказывался от ранее данных показаний, обращался в различные инстанции с просьбами о справедливом рассмотрении своего дела. Писал И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову, Прокурору СССР М. И. Панкратьеву. В обращении к Сталину от 13 октября 1939 г. апеллировал к очной ставке 1931 г. («Но все же, памятуя, что Вы лично уделили мне внимание в 1931 г., позволяю себе обратиться с вторичной к Вам просьбой — разрешить вопрос о дальнейшем моем бытии к XXII годовщине Великой Октябрьской революции»²¹).

26 октября 1939 г. состоялось закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу Пугачева. Заседание продолжалось в течение трех часов сорока минут, что необычайно продолжительно для судебной практики того времени. На суде активно использовались показания давно казненного Сакварелидзе-Бежанова, огласили и протокол очной ставки 1931 г.²² Подсудимый отверг часть своих показаний 1938–1939 гг. и свидетельствовал о применении к нему незаконных методов ведения следствия. В последнем слове Пугачев сказал: «В деле нет ни одного прямого показания, которое бы говорило за то, что я состоял в контрреволюционной организации. Я был и останусь честным гражданином своей Родины»²³. Тем не менее Пугачева приговорили к лишению звания «комкор», к пятнадцати годам лишения свободы с конфискацией имущества, поражением в политических правах на пять лет и отбытием наказания в исправительно-трудовом лагере. Было возбуждено ходатайство о лишении наград. Предварительное заключение зачли в общем сроке, начиная с 10 октября 1938 г.

1 ноября 1939 г. Пугачев направил новое обращение к Сталину, в котором отметил, что спокойно принял приговор как наказание за недостойное поведение на следствии, хотя и не ожидал такой суровости, отметил, что совесть его перед Родиной чиста, в заговоре и контрреволюционных организациях не участвовал, писал об угрызениях совести из-за данных им ложных показаний на трех сослуживцев и просил о содействии этим людям, а также ходатайствовал, чтобы при конфискации имущества ему оставили хотя бы

²¹ Там же. С. 297.

²² Там же. С. 307–308.

²³ Там же. С. 310.

20–30 книг из личной библиотеки для продолжения военно-научной работы²⁴. Разумеется, творцы системы политического произвола не собирались обращать внимания на подобные письма.

В январе 1940 г. Пугачев прибыл в Востокураллаг, в Тавдинском отделении которого провел последние годы жизни. Узнав о начале Зимней войны, обратился к Народному комиссару обороны СССР Маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову с просьбой о зачислении в действующую армию красноармейцем²⁵. Просьба осталась без внимания. В лагере трудился простым рабочим, позднее ввиду инвалидности (1-я группа) — лаптеплетом, бухгалтером, был задействован на общих работах.

Находясь в лагере, Пугачев не сдавался и боролся за пересмотр дела. В обширном письме Пугачева председателю Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинину от 6 мая 1940 г. есть и такие строки: «Для меня непонятно, почему я заключен под стражу вместе с ворами-рецидивистами, бандитами, убийцами, растратчиками, действительными контрреволюционерами и другими правонарушителями. Я вступил в ряды Рабоче-Крестьянской Красной армии с первых дней ее формирования. Волна революции, быть может не по заслугам, вынесла меня в ряды высшего начальствующего состава, делу революции и социалистического строительства я посвятил большую часть своей сознательной жизни и лучшие ее годы. Никогда ни в какой контрреволюции участия не принимал, от Советской власти и от партии большевиков никаких обид не видел»²⁶.

Пугачев выразил готовность принять участие в Великой Отечественной войне, чтобы своими знаниями и опытом принести пользу стране и армии, однако этого ему не позволили. Уже 22 июня 1941 г. он обратился к Народному комиссару обороны СССР Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко с просьбой об отправке на фронт: «Прошу о зачислении меня красноармейцем одной из действующих на фронте частей Красной армии и там дать мне возможность боевой работой против зарвавшихся фашистских бандитов, а если потребуется, то и ценой жизни, еще раз доказать мою преданность Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) единственную мою вину — постыдное поведение».

²⁴ Там же. С. 314.

²⁵ Там же. С. 315.

²⁶ Там же. С. 326.

ние на следствии. В вашем лице я заверяю партию и правительство трудящихся, что своей родине я никогда не изменял и предателем не был и не буду»²⁷. Аналогичные просьбы он адресовал В. М. Молотову и К. Е. Ворошилову.

Целый ряд избежавших расстрела узников ГУЛАГа из высокопоставленных военных независимо друг от друга писали похожие прошения высшим партийным руководителям. К примеру, известны такие обращения от бывших комкоров С. Н. Богомягкова и Н. В. Лисовского.

Неоднократно Пугачев писал из лагеря и И. В. Сталину, однако эти письма не шли дальше лагерного дела заключенного, в которое подшивались. Видя невозможность вырваться на фронт, Пугачев предложил использовать свои знания и опыт при подготовке научных и учебных трудов по Великой Отечественной войне, обобщении боевого опыта Красной армии. Даже в лагерных условиях Пугачев размышлял о военной науке и нуждах армии. В ноябре 1942 г. в связи с успехами советских войск под Сталинградом он писал Сталину: «Дорогой Иосиф Виссарионович. Разрешите мне в Вашем лице приветствовать партию большевиков, правительство трудящихся, Красную армию и народы С. С. С. Р. с крупной победой на Сталинградском фронте. В эти радостные дни скорблю лишь о том, что не по своей вине лишен возможности принять посильное участие в Великой Отечественной войне, в защите нашей дорогой Родины, и в плести, хотя бы отдельные скромные лепестки, в лавровый венок победы»²⁸. Однако и эта просьба не была услышана. Позднее Пугачев разочаровался в «письмах во власть», о чем, как следует из публикуемых документов, говорил и лагерным товарищам.

Супруга Пугачева после ареста мужа осталась одна с двумя маленькими детьми, лишилась работы и прежнего жилья. Она также обращалась к Сталину, но безрезультатно. Лариса Дмитриевна приезжала на свидание с мужем в Бутырскую тюрьму, ездила и в Тавду в 1942 г., чтобы встретиться, передать теплые вещи и продукты, но там свидания не дали.

²⁷ Выражаю благодарность А. С. Ботикову за предоставленные копии документов лагерного дела С. А. Пугачева, хранящегося в Информационном центре ГУВД по Свердловской области.

²⁸ Там же.

Узнав о смерти мужа, Лариса Дмитриевна сказала: «Бесславный конец очень славной жизни»²⁹. В какой-то степени эти слова справедливы. Но точнее было бы жизненный финал Пугачева охарактеризовать не бесславным, а трагическим. Причем этот трагизм относится не только к самому С. А. Пугачеву и его близким, но ко всему советскому обществу, без колебаний и массово избавлявшемуся от достойных людей.

Маховик массовых репрессий физически истреблял сотни тысяч человек, в том числе уникальных специалистов и добросовестных работников, что серьезным образом подрывало обороноспособность страны, ее научный, культурный и хозяйственный потенциал. Массовый террор нравственно уродовал соучастовавших и молчавших, развращал вершителей судеб, вынуждал людей ради выживания предавать родных и друзей, порождая волну шпиономании, страх, недоверие, безынициативность. Подобная политика укоренила в стране и обществе традиции беззакония власти, попрания личности, неуважения к честному труду. Последствия этого не преодолены и вряд ли будут преодолены в ближайшем будущем (тем более, что все большую популярность приобретает исторический ревизионизм). Сегодня, когда вновь зазвучали голоса о благотворности и оправданности массового террора, задача исследователей заключается в том, чтобы активнее напоминать обществу о тех временах, когда любой человек мог быть уничтожен по прихоти властей предержавших либо по доносу недоброжелателей.

В 1956 г. остававшиеся в живых передпрошенные свидетели обвинения от прежних своих показаний отказались, знавшие Пугачева лица составили на него положительные характеристики, он был реабилитирован. Из-за репрессий пропали для науки ценнейшие незавершенные труды Пугачева и материалы к ним («Последние дни царской армии», материалы для монографий по операциям Гражданской войны на Юго-Восточном и Кавказском фронтах, в которых документы эпохи сочетались с личными воспоминаниями автора), не говоря о работах, которые остались не написанными.

Об авторе писем А. В. Петрове известно гораздо меньше. Это был член РКП (б) с 1918 г., участник Гражданской войны, воен-

²⁹ Пугачева Л. Д. Семен Андреевич Пугачев — военачальник и человек. С. 117.

ный комиссар армейского управления Кавказской Краснознаменной армии. Именно в Тифлисе в 1920-е гг. он и познакомился с С. А. Пугачевым. По некоторым данным, с мая 1925 г. служил комиссаром Военно-медицинской академии в Ленинграде.

У потомков С. А. Пугачева хранится фотография А. В. Петрова в военной форме. В петлицах кителя по три ромба. Таким образом, на фото высокопоставленный военный в ранге комкора, что соответствовало рангу, присвоенному Пугачеву. Казалось бы, в отношении высшего состава РККА имеются исчерпывающие установочные данные. Однако в списках военачальников такого ранга человека с этой фамилией не оказалось. Не удалось его обнаружить и в списках репрессированных военных и даже среди арестованных в обозначенную им самим дату. Таким образом, его личность остается не установленной.

1 ноября 1936 г. Петрова арестовали. Четыре года он находился под следствием, в 1940 г. приговорен к пяти годам лагерей с зачетом времени следствия. Однако вместо освобождения через год пришлось отсидеть еще три года сверх срока, а затем 13 лет провести в ссылке. Всего Петров провел в местах лишения свободы и ссылки 22 года. Как и его лагерный товарищ Пугачев, был готов добровольцем пойти на фронт, но эта просьба осталась без ответа.

А. В. Петров упоминал о пытках на следствии и ужасах тюремного заключения, в результате которых прославленных военачальников доводили до грани самоубийства. Однако упоминал он и о том, что в лагерных мучениях и страданиях люди порой проявляли свои лучшие качества дружбы, взаимопомощи и сострадания.

Удивительно, но А. В. Петров на протяжении пятнадцати лет лагерей и ссылки хранил оставшиеся вещи своего умершего друга Пугачева — мыльницу и перчатки. Эти вещи в настоящее время хранятся у потомков комкора.

Письма Петрова вряд ли оставят читателей равнодушными. Это одновременно и документы, напоминающие о силе человеческого духа, несломленности перед лицом невзгод, как бы тяжелы они ни были. Признание и уважение, право на доброе имя — значимые стороны жизни и деятельности каждого человека. Герои публикуемых документов в полной мере обрели признание своими служебными заслугами и профессиональными качествами. Однако затем они, не зная за собой вины, оказались в местах лишения свободы, потеряв практически все. Подобный жизненный пово-

рот не мог не стать для них тяжелейшим ударом. Пугачев в итоге скончался в лагере, оказавшись одной из поздних жертв «большого террора». Не случайно его имя по справедливости включено в мартиролог элиты РККА, ставшей жертвами репрессий³⁰.

В 2016 г. в результате поисков, проведенных североуральскими краеведами во главе с А. С. Ботиковым, удалось обнаружить лагерьное кладбище, на котором похоронен Пугачев. Оно расположено в окрестностях поселка Таборы в труднодоступном месте в тайге. В настоящее время там установлен памятный крест. На месте лагерного пункта И-239/3 усилиями энтузиастов, в том числе потомков Пугачева, сооружен памятник «Всем безвинным жертвам ГУЛАГа». Кроме того, в Тавдинском музее леса создана экспозиция «Тавдинский островок ГУЛАГа», рассказывающая о тех событиях.

Выражаю сердечную признательность за предоставленные материалы и теплое общение потомкам С. А. Пугачева — дочери Н. С. Масюковой и внуку В. В. Масюкову, с которыми мне повезло познакомиться и встретиться осенью 2016 г.

Документ 1. Письмо А. В. Петрова Л. Д. Пугачевой от 3 июня 1963 г.

3-6-63

Уважаемая Лариса Дмитриевна!

Выполняю Вашу просьбу. Но вначале нечто вроде пролога.

...Я с Семен[ом] Андреевичем был знаком с начала 20-х годов. Тогда он занимал должность н[ачальни]ка штаба Кав[казской] Краснознаменной армии, а позднее — командарма. Это было в Тифлисе.

Моя должность военн[ый] комиссар армейского управления. По службе мы часто встречались, но само собой разумеется близкой дружбы быть не могло, это принятая военная субординация (Дружба — с большой буквы, близкая, взаимозаботливая, даже,

³⁰ Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941. Биографический словарь. М., 2012. С. 102–104.

пожалуй, родная, пришла, росла, крепла в том несчастье, которое пало на нашу долю).

В армии Семен[а] Андреевича уважали и любили. Особенно его ценил и уважал тов. Серго³¹ — тогда член Р. В. С. армии. Прекрасно помню 1924 г., когда в Грузии меньшевики пытались поднять восстание³², 3–4 дня и ночи С. А. и Серго не покидали штаба армии. Мне пришлось командовать отрядом коммунистов по охране штаба.

Усталый я где-то уснул на полу в оперативном отделе. Рано утром меня разбудил С. А., подождал меня в машине и отвез на квартиру. Он тогда жил на Сололаках, недалеко от меня. Я это вспомнил неслучайно.

Вряд ли поступил бы так А. И. Егоров³³, который до С. А. был командармом. Егоров погиб. Я чту его память, но однако из «песни слов не выбросишь».

Не могу забыть банкета при проводах С. А. в Москву на новый пост³⁴.

Присутствовал весь высший состав армии во главе с Серго, а также н[ачальник]к политотдела армии Ратнек и его зам. Сутырин. В Грузии банкеты — особое торжество, и вот «тамадой» избрали С. А...

Не по плечу было ему это «амплуа». Я сидел напротив [н] его и, когда Бахус развязал настроение, встал, поднял бокал и спел С. А. шутливо песенку:

Я командовать могу

Чум-Чара — Чум-Чара³⁵

Как тамада я не гу-гу!

Все смеялись, а «тамада» — громче всех!

В 1925 г. в мае я был назначен военным комиссаром Военной академии в Ленинград. Прямой связи с С. А. не имел, и она прекрати-

³¹ Речь идет об одном из видных деятелей РКП (б) Г. К. Орджоникидзе.

³² Имеется в виду неудачная попытка вооруженного восстания против Советской власти в Грузинской ССР в конце августа — начале сентября 1924 г.

³³ Будущий Маршал Советского Союза А. И. Егоров занимал пост командующего Отдельной Кавказской армией с февраля 1922 по апрель 1924 г.

³⁴ В феврале 1925 г. С. А. Пугачев занял пост заместителя начальника Штаба РККА.

³⁵ «Чумчара — чурара» — популярная в тот период городская уличная песня частушечного типа.

лась, встреч не имел. Встретились только в 1941 г. в марте, как встретились, опишу ниже, а сейчас разрешите немного о[б] авторе.

Он член партии с 1918 г., арестован в 1936 г. I. XI в 16-00. В тюрьме, под «так называемым следствием» просидел 40 м [есяцев].

Был судим особой спецколлегией, но неудачно для суда. От предложенной «защиты» отказался. Защищался сам, т. к. прекрасно знал, что «защита» поддержит меня так же, как поддерживает веревка повешенного ...

Времена уже были не те. До народа добиралась Правда! Творится произвол, «камарилья» перетряхивалась, менялась места, и значительно слабел разгул. Тюрьма почувствовала «либеральную весну» ... Мой суд длился 6 час[ов] и вынес решение, отложить до нового расследования. Был конец 1939 г. В феврале 1940 г. мне вручили постановление Моск[овского] особого совещания — и[справительно-] т[рудовые] л[агерь]а — срок 5 лет (гора родила мышь). Вы знаете, что это «почтенное» учреждение судило заочно и больше 5 лет дать не могло.

Заочно меня исключили из партии и заочно осудили.

Позднее в лагере С. А. мне говорил:

— Александр Васильевич, Вы вытащили счастливый билет ... иначе бы суд «вцепил» бы Вам 10–15 лет. Так думал и я. Мне оставался один год до конца срока (4 года следствия было зачтено). Но, увы! Сверх срока я отсидел 3 года (циркуляр Берия о задержке высш[его] команд[ного] состава до конца войны). Затем ссылка — 13 лет. Итог — 22 года.

Я опускаю много подробностей из подневольной жизни известного Вам автора, хотя бы к примеру нахождение его в психиатрической больнице ... куда следствие отправило на 3 мес[яца] физически ослабленного, но совершенно нормального человека. Зачем? Для чего? Мне до сих пор неясно.

Разрешите теперь перейти к теме, волнующей Вас! Первое тревожное чувство о судьбе С. А. я испытал в 1938 г. на одном из допросов.

Мой «доморощенный» следователь предъявил мне фото большой группы военн[ых] работников штаба армии (это из массы фотографий, взятой у меня при обыске).

В центре — командарм С. А. Пугачев, рядом Серго, все н[ачальни]ки и комиссары армейских управлений.

Меня насторожил особый интерес следователя, сидевшего в позе «скучающего принца», к С. А... Он подробно спрашивал о работе, настроении, характере командарма.

К моменту этого допроса Ваш автор имел уже 2 года тюремного стажа. Состояние шока, депрессии прошло, тюремная школа³⁶ дала свои положительные результаты.

Мои ответы я построил на ограниченном знакомстве с командармом в личной жизни, военной дисциплине и пр[очем] укладе военного порядка.

Больше к этому вопросу мы не возвращали[сь]. Но опыт уже подсказывал: «С Семен[ом] Андреевичем неблагополучно!»

В середине февраля 1940 г. пошел по этапу. Началось печальное «хождение по мукам» ... Но всему приходит конец. Позади осталось 8 городов и тюрем. В начале марта мы доставлены в г. Тавда, конец железнодорожн [ого] пути. Дальше дорога в тайгу по реке Тавда.

Первое знакомство с зоной огромного лагеря и первое «знакомство» с обилием клопов и жуликов ...

Зона от реки 300–400 метров.

На берегу Тавды лесная биржа. Род работ: дрова, бревна, шпалы, выгрузка на берег и погрузка в вагоны.

Население лагеря 1500 чел.

... Хорошее ясное утро 12 марта!

Ослепительной широкой лентой сверкает, искрится застывшая Тавда. Морозно.

Биржа гудит. Трещат моторы и всюду снуют фигуры З. К.: «Трудимся!»

... Обеденный перерыв.

Выбираю место на штабеле шпал.

В кипятивнике набираю кружку кипятку. В кармане бушлата кусок хлеба. Сахар для меня — «пища богов».

... К кипятивнику идет З. К., мое внимание обращают его валенки.

Добротные, хорошие. Позавидовал.

На мне ... лапти! Вот он равняется со мной... В руке у него небольшой синий чайник... Повернулся в мою сторону... Остановился ... чайник упал в снег ... я бросился к нему...

³⁶ Здесь и далее подчеркнута автором письма.

... Знакомое лицо ... Черные, умные глаза ... тов. Пугачев!..

... Обнялись!.. молча разглядываем друг друга... Первые слова произнес С. А...

— Ну, вот и встретились, тов. Петров!

В этот период С. А. работал в одной бригаде, я — в другой. Встречаться мы часто не могли. Да, честно говоря, не до встреч было. Вы, как я понял, только наблюдали жизнь и быт З. К. Усталым до предела дорога была каждая свободная минута. Жили мы в разных бараках. Встречи наши были коротки и, пожалуй, случайны.

Несчастный случай с ногой С. А. произошел при мне. Было это так:

... Для погрузки дров и шпал был подан большой состав. Объединили две бригады, нашу и С. А. Вагоны стояли на насыпи. Подноска и нагрузка шли снизу, это и трудно и неудобно. Под конец работы С. А., уже усталый, не рассчитал движения броска с плеча ... и упавшая шпала сильно повредила ему ногу.

Лариса Дмитриевна! Сохраните в Вашей наболевшей душе теплое чувство к одному человеку, пусть он Вам неизвестен. Это крупный н[ачальни] к Сев.-Восток-Урал-Лага майор тов. Поливни. Он окружил, как мог тогда, С. А. заботой и вниманием в больнице. До сих пор мы встречаемся с ним в Кисловодске, когда он приезжает лечиться, и всегда вспоминаем С. А. Сейчас он полковник в отставке — пенсионер.

Начало совместной жизни с С. А. положила война. Лагерный режим стал еще строже. К этому времени С. А. уже был «произведен» в бригады. Известно ли это Вам?

14 июля 1941 г. ночью собрали группу военных З. К. — весь старш[ий] командн[ый] состав и два высш[их] — С. А. и автора. «Запихали» в трюм баржи и отправили вверх по Тавде в неизвестном направлении.

... Где-то заглушенно стучал мотор катера... за бортом тихо плескалась вода. Было сыро и темно. Люди сидели и строили гипотезы — куда?

С. А. сказал мне, что «сие действие» понятно. Нас, военных, удаляют дальше от железн[ой] дороги.

Он был бодр, и как обычно шутил обычным для него тонким юмором.

Надо сказать Вам, что после начала войны военные З. К. засыпали начальство заявлениями о[б] отправке на фронт. С. А. скепти-

чески относился к этому вопросу, и этот скепсис теперь разделяло все население баржи на практике.

Мало и плохо спали мы в эту памятную ночь.

... Внезапно наверху раздался шум... Открыли люк. Светлыми бликами запрыгали лучи солнца в нашей трюмной тюрьме, затем зычный голос сверху крикнул: «Пугачев и Петров наверх с вещами!» Ничего не понимая, наскоро прощаемся с т[оварищами] и мы на палубе.

... Катер уткнулся носом в крутой берег. Широкая Тавда вся залита солнцем... По обоим берегам стоит чудесной зеленой стеной могучая красавица тайга!

... Балансируя по узкой доске, выходим на берег. Нас ведет один охранник... Небольшая тропинка идет вглубь. Охранник — молодой солдат (из раненых с фронта). Осторожно заводим разговор о том, куда идем. Солдат, видимо, знает, что мы за люди, но отвечает вежливо и охотно. Говорит, что идем мы в лагерн[ую] прикомандировку «Ивкино». С. А. спрашивает о роде работ... Солдат заявляет, что нам там будет лучше. Мало народа, лагерь небольшой, лесоповала нет.

... Помню, как у меня вырвался вопрос: «Интересно, почему же нас двоих сняли с катера?» Солдат улыбнулся и ответил: «Не знаю, мне н[ачальни] к конвоя сказал — Доставь этих 2-х генералов в Ивкино!»

... С. А. со смехом сказал мне: «Вот видите, Александр Васильевич, нахватили мы с Вами вдвоем 14 ромбов³⁷, нас дальше и везти не желают!»

Характерная одна деталь:

По дороге уйма малины. Кушали на ходу. Солдат остановился и вместе с нами угощался ягодой!

Лариса Дмитриевна! Товарищ хороший мой! Не браните меня! Я пока останавлиюсь. Мне много еще писать. Память моя цепко хранит [все³⁸].

Последний этап жизни Семена Андреевича. Тяжелый и печальный! Я прошел с ним до конца!

³⁷ С. А. Пугачев до введения в 1935 г. персональных воинских званий имел в петлицах по четыре ромба (высшая должностная категория К-14), позднее как комкор носил по три. А. В. Петрову полагалось иметь в петлицах по три ромба.

³⁸ Слово утрачено.

Снова и снова я хочу бережно подойти к этому тяжелому для Вас концу!

Если у Вас будет желание черкнуть мне, то пусть это будет мне сигналом, что Вы, хотя и относительно, но немного успокоились!

Позвольте пожать Вам руку.

С искренним уважением,

А. Петров.

P. S. Я за этот промежуток кое-что восстанавливаю в памяти!

Архив семьи Пугачевых. Подлинник. Автограф

Документ 2. Письмо А. В. Петрова Л. Д. Пугачевой от 19 июня 1963 г.

Уважаемая Лариса Дмитриевна!

Продолжаю последнюю грустную повесть. Знаю, принесет она Вам тяжелое горе, знаю, что слезы мешают Вам читать мои строки, не мне утешать Вас, не мне призывать к мужеству! Вы много пережили, много перенесли, и я, читая Ваше письмо о сознательной работе, о желании Вашем видеть жизнь, работу, быть заключен[ной] в лагере, в который Вы пошли добровольно на работу, [чтобы] хотя бы относительно представить себе жизнь Вашего мужа, уже оценил Вашу волю и мужество, и не раз мне приходили на память некрасовские «Русские женщины».

... Ну, вот и Ивкино!

Дремучая тайга, куда не проникает солнце. Край непуганых птиц, где злобная рысь — сосед человека. Особая торжественная лесная тишь.

Большая вырубленная площадь. Это лагерь³⁹. 3 небольших барака, кухня, склад и вахта. В этом глухом угле мы с С. А. прожили с июля 1941 г. по февраль 1942 г.

Жили в одном бараке, спали на одних нарах и вместе кушали.

З. К. в лагере было немного. Работа не тяжелая и «разнохарактерная».

³⁹ Речь идет о лагерном пункте Комендантский учреждения И-239/3, существовавшем в районе деревни Ивкино Таборинского района в 1931–1946 гг.

В лесу пилили, кололи дрова для нужд лагеря, кое-кто плел лапти, но мы с С. А. не брались, смеясь, С. А. часто говорил, что это «искусство» нам не постичь!... Убирали зону и копали картофель (под спец[иальной] охраной — во избежание воровства). Надо сказать, что питание было в лагерном смысле неплохое. Повар З. К. китаец Ваня благоволил к нам, а это в лагере ценнее «милоственного» отношения любого н[ачальни]ка.

1-го октября 1941 г. в Ивкино я кончил срок. Ранее, еще за 6–7 мес[яцев] С. А. осторожно подготавливал меня к задержке в лагере. Сам я это прекрасно понимал, но, знаете, надежда живет в человеке, даже в последние минуты на эшафоте!...

Нельзя забыть ту чуткость и то заботливое внимание ко мне в это время С. А.

— Александр Васильевич, не те мы люди, которых освобождают, — говорил С. А., так и вышло. В декабре мне объяснили, что я задержан в лагере до конца войны.

Не хотелось бы мне писать Вам о[б] одной тяжелой и мучительной «работе», на которую мы попали с С. А. в августе, но прятать я не имею права. Это работа на болоте и в болоте.

... В тайге огромное болото. Неглубокое, но илистое. Задача: валить и тесать без сучьев бревна — размер — 8 метров. Затем снести их в болото и устанавливать клеткой на 2 метр[а] выше воды. Сие сооружение именуется «зарод».

Это работа 2-х бригад. 2 др[угих] в том же болоте «косят траву» и укладывают на «зарод».

Нам с С. А. пришлось работать на «обоих производствах»... жили в шалашах, вдали от лагеря, кил[ометрах] в 6.

Было плохо и тяжело. У всех З. К. перепрели ноги, а ногти «добровольно» слезли с пальцев.

В Ивкино мы первый раз прочитали газету и узнали о разгроме немцев в декабре под Москвой!

В феврале 1942 г. в Ивкино прибыли немцы с Поволжья, а нас по этапу в 90 к[и]л[ометров] погнали в село Таборы на бер[егу] р. Тавды.

... И пошли мы не солнцем палимые, а морозом гонимые...

Лариса Дмитриевна! О Таборах я могу написать немало. В них прошли 13 лет моей ссыльной жизни. Но вряд ли Вам это интересно, чувствую, что я и так утомил Вас, «литератор» то я корявый.

Путь наш лежал немного дальше Таборов (в нем находилось лагуправление филиала прикомандировок), и нас поместили в низком болотистом месте на бер[егу] р. Табарники в 4–5 к[и]л[ометрах] от села.

Немного о «начальстве».

Н[ачальни]к всей прикомандировки Разумовский (позднее н[ачальни]к «К. В. Ч.» (Вам знакома эта должность по лагерю)) — человек с хорошо подвешенным языком, относился к нам сдержанно. Мы его назвали — «лагерный златоуст». Он прямой виновник в преждевременной гибели С. А. (ниже я напишу). Н[ачальни]к лагерной болотной прикомандировки с[о] странной фамилией «Барбара»! (до революции, живя в Италии, я знал такие итальянские имена).

Это солдафон. Грубый и ошалевший от власти. Сей «муж» немало нам попортил крови. Пусть Вас, Лариса Дмитриевна, не удивляет моя фраза: «Нас» ...

Ведь нас двоих держали в политике «дальнего прицела» и особенно Семена Андреевича!

Работа здесь была тоже разная. Словом, куда пошлют. Мы так же жили вместе и по-прежнему заботились друг о друге. Я был моложе, сильнее. Много, много после отбоя, лежа на покое, переговаривали мы.

С совершенной чистой правдой могу сказать, что несчастье раскрыло нас душевно. Помню, когда я поведал С. А. о тюремных ужасах и пытках на следствии, о том, как я дошел до грани самоубийства, С. А. не осудил меня за временную потерю воли. Он спокойно только сказал: «А. В... а кто об этом не думал, стыдиться этого нельзя...»

Нас всю весну гоняли в лес, мы брали котелок и «знаменитый» синий чайник. Грибов в тайге уйма. Опытные старики научили брать хорошие. Я варил «густой» грибной суп, только почему[-то] он был черный, и С. А. говорил, что это «суп особой ферментации» ...

Но скоро в нашей жизни посветлело! Повар тов. Бельский (шеф-кулинар крупного ресторана в Киеве) хорошо подружился с нами (член партии. Судьба его мне неизвестна). Вот этот повар-З. К. готовил пищу для н[ачальст]ва. Последнее благоволило к нему. Он то нас и устроил на кухню. С. А. — посудник, а я по колке и подноске дров.

Тов. Бельский сердечно, глубоко уважал С. А. и всячески стремился облегчить его положение. С присущим юмором С. А. шутил, говоря: «Должность посудника — это моя наследственная специальность и мое призвание!..»

... Так шел 1942 г. Никто из нас не думал, что лето этого года станет последним для С. А.

Не помню точно, в конце ли июня или начале июля С. А. сказал мне перед сном, что на его верхней губе появилась небольшая опухоль.

Через 2–3 дня лицо его все опухло. Д[окто]р Хачатурян⁴⁰ установил «карбункул» и положил больного в больницу.

Лечение примитивное, да и нечем. Д[окто]р забил тревогу. Он просил Разумовского направить больного в с. Таборы в район[ную] больницу. Разумовский отказал.

Болезнь быстро прогрессировала, начался «сепсис».

Дорогая Лариса Дмитриевна, соберите все мужество. Я передам Вам последние минуты Семена Андреевича!!

... Память четко восстанавливает день смерти дорогого мне человека.

Под вечер июльского дня ко мне прибежал санитар Володя Виногорадов и сказал, что С. А. плохо.

Через 5 минут я был у постели С. А. Он был в забытьи. На мой тревожный взгляд д[окто]р Хачатурян печально опустил голову.

Подойдя ближе, я положил руку на голову больного... Как-то медленно С. А. открыл глаза, увидя меня, он что-то прошептал, я склонился над ним. Ему трудно было говорить, но все-таки он мне сказал, что мог и успел:

— ... А. В., Вы моложе и сильнее. Может быть, вырветесь...

— Я прошу Вас,.. — и здесь он замолчал,.. собирая последние силы заговорил снова:

— В Москве семья... сын Владимир... — снова пауза, а потом тихо произнес — дочь Даша (теперь мне после Вашего письма ясно, что я не разобрал точно имени — видимо, имя было Наташа!).

Последние слова его были:

— Сообщите семье, жене, детям, что я умер честным человеком перед народом и партией!

⁴⁰ Здесь в документе ошибочно — Хачатурьян.

... При этих словах он хотел поднять голову, но не мог. Я подложил под голову руку... так в этом положении и скончался Семен Андреевич!

... Перестало биться сердце нашего дорогого товарища по воле... Трое нас молча стояли около него. Скупые, суровые мужские слезы, горе и бессильная ненависть к подлым людям, погубившим прекрасного человека, душили нас!

Лариса Дмитриевна!

Я не пощадил Вас, зная, как невыносимо тяжело читать Вам эти строки. Простите меня!

Но Вы желали знать всю правду о дорогом человеке,.. и я Вам ее рассказал!

Послесловие:

Вам, очевидно, знаком «порядок» лагерей о вещах умершего З. К.?

Составляется акт о смерти, составляется «акт» о вещах,.. судьба которых остается на «совести» н[ачальст]ва.

Так, очевидно, было и с вещами С. А. Санитар Володя Виноградов сумел внести в этот «узаконенный» произвол поправку:

Он сохранил три предмета: полотенце, мыльницу и перчатки. Полотенце Володя оставил себе как память. Мне передал два остальных. Я сохранил их до сих пор. Хранил их в лагерях до 1944 г., хранил в ссылке 13 лет. Теперь я теряю на них право. Они принадлежат Вам! Скажите мне, и я немедленно вышлю.

Лариса Дмитриевна!

Есть у меня один щепетильный вопрос. Неясный и непонятный! Догадки строить — нездоровое любопытство, а оно не в моей натуре. При жизни С. А. мы с ним беседовали о наших семьях. Нас тяжело мучила неизвестность о[б] их судьбах... но близко семейных вопросов не касались. Ведь это очень больно, Вы понимаете?

Но вот в 1960 г. уже на свободе мне случайно удалось связаться и найти Владимира Семеновича Пугачева (в заключении и в ссылке я не мог выполнить предсмертную просьбу товарища, Вы понимаете почему!).

Найдя В. С., написал ему о[б] отце. Все это кончилось между нами двумя письмами. Меня несколько удивила непонятная, вежливая по форме сдержанность В. С., и я замолчал. В настоящее время после Ваших писем я кое-что понял, но это Вас ни к чему

не обязывает, а меня обязывает не интересоваться тем, что не положено знать.

Искренне, сердечно уважая Вас, разделяя Вашу боль тяжело израненной человеческой души, я желаю Вам здоровья и покоя!

С глубоким уважением А. Петров⁴¹

Архив семьи Пугачевых. Подлинник. Автограф

⁴¹ К письму прилагалась фото А. В. Петрова с надписью: «... Семье Семена Андреевича Пугачева — моего командарма и затем товарища-друга в тяжелые годы лихолетья в лагерях сурового Северного Урала. С глубоким уважением А. Петров. Кисловодск. 19-6-63. Лариса Дмитриевна! У этого снимка “своя судьба” — 22 года его хранила дочь в “подполье”. Без Вашего согласия и желания посылаю его Вам. Пусть он иногда напоминает Вам человека, который делил невзгоды жизни с Семен[ом] Андреевичем. А. П.».